

Сигизмунд Кржижановский

Грайи

*Часть сборника
Тринадцатая категория
рассудка (рассказ)*

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

Грайи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178390
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18798-7*

Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сигизмунд Кржижановский

Грайи

I

Теперь только профессора-филологи пишут, и то путаясь пером в словах, о Грайевом мифе. А в те, давно умершие времена любой ребенок мог складно и бойко рассказать начало истории о Грайях. Но конец истории скрыт не то что от профессоров, – даже от детей: он в нерожденных еще веках, куда и приглашаю вас, вундеркинды, последовать за мной.

Три старухи, именем Грайи, были поставлены Зевесом стеречь горные тропы Парнаса. Тропы падали вниз, от высот к долам. Там, в заоблачье, над миром, пластающимся внизу, был укрыт ни узды, ни бича не знавший крылатый конь – Пегас. Под золотым копытом Пегаса – ни травинки, но зато, нарастая буквой на букву, тянулись из земли в лазурь расчесываемые горными ветрами черные неписанные и нечитанные строки: ими и питался крылатый.

Хитрый разумом Зевес знал, что овладевшему Пегасом достанутся и возвращенные им, миродержцем, высоко вознесенные над дымами долинных домов строчкастые черно-буквные луга парнасских склонов.

Оттого-то и поселил он у самых верхних поворотов троп старых злых Грай. Грай было три, но на всех трех был отпущен лишь один глаз. Старухи никогда не разлучались. Пока одна из них, овладев глазом, вглядывалась вниз, сквозь лёты туч, другие две нетерпеливо ждали своего черед: видеть. Часто Грайи дрались из-за глаза, катаясь по острым камням шестируким и трехговым безобразным комом, вырывая друг у друга переходившее из пальцев в пальцы зрение. Если сторожившая Грайя засыпала, другая тотчас же, сунув руку под отвислое веко спящей, крала у нее глаз.

Однажды Грайи услышали чуть ощутимый шум: кто-то подымался по тропе из низин, роняя вниз мелкую осыпь. Шаг то ник, то возникал снова. Зрячая Грайя зорко вглядывалась вниз. Две другие, насторожившись, повернули пустые глазницы к шуму.

- Что видишь?
- Пряжу туманов.
- Отдай глаз!
- Нет.

Звук креп: кто-то, прикрытый мглой, подымался на срывы скал; изредка останавливался, будто в раздумье; и снова – гул роняемых ногою камней.

- Идем.

Сцепив руки, Грайи осторожно двинулись вниз: один глаз – шесть глазниц. Впереди зрячая, две слепых молча вслед. Опасность прерывала ссоры.

Вошли в тучи. Незрячие Грайи не раз оступались, скользя ногой по мокрым гранитам.

– Видишь?

Мгляные нити медленно расклубливались. Снизу – квадраты полей; серые тонкие стебли дымов, вырастающих из печных труб; рыжие пятна черепицы. Извивы тропы были пусты. Зрячая Грайя, повернув глаз вправо и влево, уж хотела ответить «нет», как вдруг увидала: там, позади, у утесного скоса, отделенного от них нешироким провалом, стоял человек. Он зацепился железным крюком, вделанным в длинную палку, за выступ утеса и спокойно, не шевелясь, наблюдал Грай.

Пошептавшись, Грайи двинулись навстречу нечестивцу. На пути – щель провала. Ведущая Грайя, присев на трясущихся коленях, прыгнула.

– А мы, а мы? – зашамкали оставшиеся, протягивая руки к сестре. Слепые, они не решались на прыжок. Тогда ведущая Грайя вынула глаз из-под века:

– Ловите!

Сестры подставили ладони. Но в движении Грайи было что-то неверное: глаз, мелькнув белым бликом над пропастью, не долетел до другого ее края и канул в бездну. Четыре скрюченных ладони то сжимались, то разжимались, осязая лишь пустоту.

– Глаз у тебя? – спрашивала одна.

– Нет, у тебя, – шипела другая.

А человек, оторвав крючок от скалы, стал осторожно, но быстро спускаться к расселине. Перепрыгнувшая Грайя, оставшись одна и без глаза, почуяла страх.

— На помощь! — кричала она оставшимся по ту сторону расселины. — Ко мне!

Тогда одна из безглазых решилась. Прыжок бросил ее легкое тело через бездну с достаточной силой, но не по прямой, а наискось, и, не достигнув земли, старуха, взыв, рухнула в пропасть. Третья — не смела. Передовой Грайе не было выбора: назад — пропасть, вперед — враг. Слепая и одинокая, она приготовилась встретить смерть. Вонзив ногти в трещины земли, укрыв голову под острыми углами локтей, покорно ждала она конца. Камешки прянули под ударом стопы у самого ее уха. В воздухе просвистел острый крюк, и Грайя, раскинув руки, без стога свалилась вниз — вслед глазу и сестре.

II

Человек, победивший Грай, мог продолжать подъем. На встречу швыряла молниями гроза. Гудели ветры. Тучи били серыми крылами. Но человек шел и шел: с камня на камень, извивами тропы, уступами скал – к парнасской выси. Тучи, молнии, ветры остались внизу, над головой колосилось желтыми лучами круглое солнце, у ног же качались, буквами из букв вырастая, длинные, короткие, чернильной чернью надпитые, графитной пылью присыпанные строки. Меж строк с тонких стеблей гляделись махрово – расплывшиеся кляксы. А по колено в словах – белоснежный крылатый Пегас: крылья за спиной; в зубах – охалка полусжеванных строк: жует, роняя то слово, то букву, то слог.

Хотел было смельчак заарканить Пегаса, но тот раскрыл шумящие бурей мощные крылья. Тогда победитель нарвал строк с парнасского луга, тома на два, и стал спускаться назад, к жилью.

Когда в низинах стало известно, что доступ к парнаским высям свободен, люди тотчас же полезли и закарabкались по камням и тропам вверх. Толпами. Но путь по срывам и кручам был тяжек. Многим пришлось, стеноя и охая, сползать вниз, бросив затею. Вернувшиеся жаловались старейшинам. Те приказали: срывать кручи, круглить излом троп, делать их шире, а в опасных местах ставить перила. И когда все бы-

ло сделано по слову старейшин, люди снова – кто в одиночку, кто с женами, детьми и слугами, mit Kind und Kegel¹

¹ С чадами и домочадцами (*нем.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.